ВЗЛЕТЫ

№ 13.

Digitized by the Internet Archive
in 2012 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://archive.org/details/vzletyserial13belf

Бельфорскій рукописный журналъ
Взлеты № 13.

Галлиполи.

15 Ноября день основанія Добровольческой Арміи и начало борьбы съ большевиками. 22 Ноября день высадки 1-го Армейскаго Корпуса въ Галлиполи.
По существу обѣ эти даты могутъ и должны быть совмѣщены т.к. каждая изъ нихъ отсѣкая хронологически опредѣленныя событія въ общей концепсіи являются началомъ разныхъ по времени, но одинаковыхъ по духу явленій, безпримѣрныхъ по героичности и жертвенности, давшихъ въ своихъ истокахъ борьбу за освобожденіе Россіи.

Годъ прожитый въ тѣсномъ единеніи далъ силы разнести по міру память о Галлиполи, какъ о мѣстѣ, гдѣ русское воинство, лишившись Родины, осталось на стражѣ высокихъ традицій Арміи. И понынѣ, несмотря на тяжкія испытанія, Галлиполійцы сохраняютъ свѣтлый и бодрый духъ, готовые исполнить свой долгъ передъ Родиной по зову своихъ вождей.

Во всякой воинской организаціи личность вождя имѣетъ первенствующее значеніе; такой личностью въ Галлиполи являлся Генералъ Кутеповъ.
Великій русскій патріотъ, отлично знающій психологію солдата и офицера онъ достигъ того, что части корпуса перестали быть разрозненными эмигрантами и представляли духовное цѣлое.
Вотъ почему можно утверждать, что въ день Галлиполійской годовщины, во всѣхъ мѣстахъ пребыванія Галлиполійцевъ, вспомнится эта дата и также тотъ, кто былъ душой и создателемъ Галлиполи.
Генерала Кутепова отъ насъ физически оторвали, но не убить духа непримиримости и твердости въ борьбѣ съ насильниками Родины, какъ не убить память о прекрасномъ и великомъ прошломъ измученной Россіи.

Галлиполи умозрительно должно восприниматься, какъ символъ въ прошломъ дня грядущаго чудеснаго будущаго.

Три рѣчи, произнесенныя протоіереемъ Ѳ. Маляновскимъ при освященіи памятника въ Галлиполи, 16 Іюля 1921 года.

Передъ освященіемъ.

Желаніе сердца нашего исполнилось. Снесенные на это братское Русское военное кладбище нашими руками отъ чистаго русскаго сердца камни превратились въ Крестъ-Памятникъ.

Крестъ-Памятникъ!-Какъ мало словъ, а горя, горя рѣченька...

Крестъ-Памятникъ!-Какое сочетаніе звуковъ величественныхъ, торжественныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ скорбныхъ, ноющихъ, за душу хватающихъ...

Крестъ-Памятникъ!-Какая широта и многогранность мыслей, чувствъ, настроеній, переживаній...

Но изъ всего этого разнообразія, какъ то сами собой, точно родникъ изъ подъ земли, вырываются слова:

„Путникъ, кто бы ты ни былъ, свой или чужой, единовѣрецъ или иновѣрецъ, благоговѣйно остановись на этомъ мѣстѣ-оно свято: ибо здѣсь лежатъ Русскіе воины, любившіе Родину, до конца стоявшіе за честь Ея!"

Братья воины и весь народъ боголюбивый!

Станемъ же здѣсь добрѣ, станемъ со страхомъ и съ усердіемъ сотворимъ нашу молитву: Да призритъ Господь на созданіе наше и пошлетъ свою благодать на этотъ Крестъ-Памятникъ! Да стоитъ онъ вѣковѣчно, твердо и нерушимо, да славится передъ нимъ всегда пречестное и великолѣпное имя Божіе! Пусть никогда не заростаетъ къ нему народная тропа и пусть не оскудѣваетъ здѣсь рука, творящая крестное знаменіе въ память умершихъ.

Господи, стань на мѣсто покоя Твоего!

И да будутъ очи Твои открыты день и ночь на мѣсто сіе! Благослови, Боже, всякаго, кто придетъ сюда ради молитвы или ради воздаянія чести нашимъ воинамъ подвижникамъ. Дай ему миръ и все, что потребно для него.

Передъ великой панихидой.

Мы освятили нашъ Крестъ-Памятникъ. Теперь онъ сталъ на-

шимъ роднымъ Русскимъ достояніемъ. Но тоска, Русская тоска...
И нѣтъ покоя отъ нея, нѣтъ сладу съ нею. И болитъ, щемитъ, сжимается сердце.
Русское кладбище, Русскій памятникъ!
Но земля-то все же не русская. Нашъ отечественный поэтъ трогательно выразилъ желаніе умершихъ:

... И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать...

Лежать ближе къ милому предѣлу - и то уже благо, а лежать здѣсь, далеко, на чужбинѣ...
И первое, что встаетъ при этихъ думахъ передо мной: это нашъ Севастополь. Вблизи него есть французское кладбище, надъ воротами котораго такая надпись: „Земля Французской Республики." И войдя за кладбищенскія ворота, вы, значитъ, вступаете на землю французскую. И тамъ, на этой французской землѣ, есть французскій домъ и рѣетъ французскій флагъ. Я не знаю, какъ французы устроили, чтобы получить въ собственность этотъ уголокъ земли. Но, какъ русскій пастырь, я, въ этотъ священный историческій моментъ, ставлю вамъ, мои соотечественники, задачей:
„Вы, крѣпкіе, вы, сильные, вы, мудрые!
Сдѣлайте такъ, чтобы и этотъ клочокъ земли сталъ Русскимъ, чтобы и здѣсь, со временемъ красовалась надпись: „Земля Государства Россійскаго".
Чтобы и здѣсь устроился Русскій домъ, чтобы и здѣсь рѣялъ всегда Русскій флагъ.
А мы, пастыри, мы сумѣемъ собрать отъ всѣхъ Русскихъ областей по горсткѣ земли и мѣстной святынѣ иконкѣ и насыпать здѣсь изъ этой Русской земли особый холмикъ и водрузить на немъ еще одинъ маленькій памятникъ: Русскій иконостасъ.
Общими усиліями мы превратимъ этотъ уголокъ въ Русскій удѣлъ и этимъ выполнимъ долгъ передъ почившими земляками и успокоимъ нашу встревоженную совѣсть.
А теперь приступимъ къ совершенію передъ этимъ Крестомъ-Памятникомъ нашей первой заупокойной молитвы. Первая молитва, а затѣмъ, быть можетъ и скорая разлука...
Боже! Какъ волнуется духъ! И сколько надо имѣть мужества чтобы и свои чувства собрать и другихъ настроить. Я слабѣю. Я нуждаюсь въ помощи. Я хочу позвать сюда тѣхъ, кто уже однимъ именемъ своимъ можетъ всѣхъ насъ воодушевить.
Вы, герои таврическіе, вы, рыцари задунайскіе, забалканскіе и шипкинскіе, вы, витязи сѣчи запорожской, вы, богатыри чесменскіе, вы, сподвижники Олега Вѣщаго,

некогда вѣвшаго щитъ на вратахъ Царграда! — Вы слетите къ намъ, станьте подлѣ насъ и помогите намъ свершить достойную молитву по вашимъ достойнымъ потомкамъ. А вы, вы холмы погребальные, вы встрепенитесь, вы раскройте на мигъ нѣдра свои и покажите намъ обитателей вашихъ. Пусть проснутся они, пусть взглянутъ на насъ, пришедшихъ къ нимъ съ молитвеннымъ словомъ любви и привѣта, и радостнымъ вновь уснутъ вѣчнымъ своимъ сномъ.

Боже, благослови нашу молитву!...

По окончаніи панихиды.

Наша заупокойная молитва окончена. Остается заключительный моментъ ея — возглашеніе вѣчной памяти. Душа умилена. Душа взволнована. И изъ тайниковъ ея, какъ-то помимоволи рвется еще и такая мольба:

„Боже, въ руцѣ Твои мы предаемъ и этотъ нашъ Крестъ-Памятникъ и эти наши могилы. Посылай же, Боже, сюда ласковые лучи Твоего солнышка краснаго! Зажигай тутъ тихій свѣтъ Твоихъ звѣздочекъ ясныхъ! Пусть горятъ онѣ надъ міромъ, какъ лампадки неугасимыя! Приближай сюда тучки небесныя! Пусть онѣ освѣжаютъ ихъ своей влагой живительной! Повелѣвай вѣтру нѣжно колыхать растущія здѣсь цвѣты и деревья! Посылай сюда птичекъ пѣвчихъ! Пусть поютъ онѣ здѣсь свое: Аллилуйя.

Вы, воины христолюбцы, вы дайте братскій поцѣлуй умершимъ соратникамъ вашимъ! Вы, поэты, писатели, художники, баяны, гусляры-серебристые — вы запечатлѣйте въ вашихъ твореніяхъ образы почившихъ и повѣдайте міру о ихъ подвигахъ славныхъ! Вы, Русскія женщины, вы придите къ могиламъ бойцовъ и орошите ихъ своей чистой слезой, слезой Русской женщины, Русской страдалицы матери! Вы, Русскія дѣти, вы помните, что здѣсь, въ этихъ могилахъ, заложены корни будущей молодой Россіи, вашей Россіи и никогда ихъ не забывайте!

Ты, древняя Византія, — наша духовная мать, ты будь матерью и этимъ Русскимъ дѣтямъ и оберегай ихъ покой: ибо это и твои дѣти.

Ты, отнынѣ незабвенный для насъ, градъ Галлиполи, ты именуемый лучшимъ городомъ, ты будь лучшимъ и къ тѣмъ, кого, какъ самыхъ лучшихъ мы оставляемъ тебѣ!

А вы, вы и старые и новые орлы бывые, вы мирно спите:

... Вы заслужили родные,
Славу и вѣчный покой...

Да будетъ же вамъ:

Миръ въ землѣ сырой,
Честь въ семьѣ родной
И слава Вамъ на Руси святой.

Примите, въ нашемъ лицѣ, земной поклонъ отъ родной кормилицы - земли свято-русской, отъ родного народа Русскаго, православнаго, отъ родимыхъ батюшки и матушки, братцевъ и сестрицъ, женъ и дѣтушекъ, сродниковъ и знаемыхъ...

Да будетъ вамъ добрый вѣчный покой и блаженная вѣчная память!...

Кудеяръ.

Разсказъ.

Въ своихъ эмиграцiонскихъ скитанiяхъ, въ 1922 году, я попалъ въ древнюю столицу Македонiи - городъ Охридъ, затерявшiйся въ горныхъ трущобахъ и прилепившiйся на берегу Охридскаго озера. Пріѣхалъ утромъ. Съ дѣлами управился быстро и до слѣдующаго утра я былъ совершенно свободенъ, такъ какъ поѣздъ узкоколейки отходилъ только разъ въ сутки и притомъ ночью движенiя не было. Стояла хорошая, какъ говорятъ, ядреная осень, но было холодновато и я зашелъ погрѣться въ одну, изъ безчисленнаго количества разбросанныхъ по городку, кофеенъ.

Кромѣ хозяина, полудремавшаго македонца, въ кофейнѣ находился какой-то монахъ, видимо глубоко погруженный въ писанiе, такъ какъ на мое привѣтствiе не только не отвѣтилъ, но даже не перемѣнилъ позы, что не соотвѣтствовало мѣстнымъ нравамъ. Я расположился въ глубинѣ комнаты, напротивъ монаха и попросилъ кофе. Какъ то незамѣтно, я тоже ушелъ въ свои думы и македонецъ опять былъ предоставленъ самому себѣ...

— Разрѣшите присѣсть къ вамъ, уже больше года не слыхалъ родной рѣчи? — Я вздрогнулъ, повернулся въ направленiи голоса. Передо мной стоялъ монахъ.

Широкое, русское лицо съ сильно развитыми челюстями, копна каштановыхъ волосъ, окладистая рыжеватая борода и страшный, глубокій шрамъ, шедшій черезъ правый глазъ и терявшійся съ вдавленнымъ вискомъ подъ монашескимъ клобукомъ. Левый - видящій глазъ, ласково и застѣнчиво смотрѣлъ на меня. Въ глубинѣ зрачка отражалась, согрѣтая внутреннимъ свѣтомъ, истрадавшаяся человѣческая душа, что придавало лицу облагораживающее и просвѣтленное выраженіе.

- Вы русскій? Садитесь отецъ, буду радъ. Откуда вы и куда направляетесь? Какъ попали сюда? -

Послѣ обмѣна рукопожатіями онъ степенно сѣлъ за мой столъ.

- Я, видите ли, больше года жилъ въ монастырѣ св. Наума - это недалеко отъ Охрида. Хочу пробраться на Афонъ и, если Богъ благословитъ, остаться тамъ жить. Тѣмъ болѣе, что я работать могу, а слыхалъ, что тамошняя братія уже стара стала и въ работникахъ нуждается. А откуда я? - Да всѣ мы изъ одного мѣста. И онъ ласково улыбнулся.

- Какъ разрѣшите васъ звать? - Зовите Савьой , а вы кто изволите быть? -

Я назвалъ свое имя, отчество и фамилію.

- Петръ Сергѣевичъ, а вы не были на Кубани въ началѣ 18 года въ отрядѣ ротмистра К? -

- Какъ же, былъ!... - Ну, вотъ видите, мы оказались и соратниками. Я ваше фамиліе и раньше слыхалъ, да и встрѣчался съ вами раза два-три, только ночью - приходилъ къ вамъ съ пакетами отъ поручика Владимира Ивановича Крашевскаго, лица вашего не могъ разглядѣть. Въ моей памяти быстро замелькали воспоминанія изъ періода секретной работы на Кубани, по поддержкѣ связи съ городами занятыми большевиками.

- Очень, очень радъ встрѣтиться, вотъ это неожиданная радость! А какъ ваше фамилія? -

- Бывшій матросъ черноморскаго флота Онесъ. -

Прежній родъ службы моего собесѣдника рѣзкимъ толчкомъ отозвался въ сердцѣ; фамиліе его мнѣ было знакомо, но я никакъ не могъ вспомнить - чѣмъ именно? Повидимому, на моемъ лицѣ какъ-то отразился эффектъ, произведенный его послѣдними словами и онъ наклонившись, положивши мнѣ на колѣно руку, умоляюще произнесъ: Простите, Христа ради, велики были мои грѣхи, но, благодаря Бога, и велики мои страданія - уповаю на милость Божію. -

Мнѣ стало неловко и я поторопился отвѣтить: Полноте, отецъ Савьа , разъ вы служили съ поручикомъ Крашевскимъ, это для меня достаточно, а насчетъ грѣховъ - у кого ихъ нѣтъ, да я и не судья...

Наша бесѣда приняла вскорѣ сердечный характеръ. Я сообщилъ ему, что поручикъ Крашевскій находится въ Бѣлградѣ, хлопочетъ объ опредѣленіи его въ домъ инвалидовъ.

- Ну, вотъ, если увидите его, передайте мой поклонъ. Я то, вѣроятно, съ нимъ больше не увижусь: хочу уйти отъ міра. -

Мною нѣсколько разъ, возможно деликатный, дѣлалась попытка узнать о происхожденіи его раненія, но отецъ Савва упорно уклонялся отъ прямого отвѣта и всякій разъ говорилъ, что подвернулся большевикамъ, которые его и разукрасили.

-Все хорошо, Петръ Сергѣевичъ, и работать здоровъ, вотъ только голова часто болитъ, лоченьки моей нѣтъ. Доктора запретили тяжелый трудъ. И, Господи, что же я безъ работы дѣлать буду?- Все равно, безъ Божьяго соизволенія не умру...

Передъ вечеромъ, распрощавшись съ македонцемъ, мы вышли изъ кофейни и пошли къ озеру. Оно было неспокойно. Расположившись на берегу долго сидѣли молча и, какъ-то помимо своего сознанія, я въ полголоса запѣлъ. Кудеяра". Мой компаньонъ молчалъ. Черезъ нѣкоторое время я услыхалъ подозрительное откашливаніе. Быстро оглянулся. Видящій глазъ отца Саввы горѣлъ огнемъ глубокаго страданія, крупныя слезы ползли по щекѣ теряясь въ бородѣ и я замѣтилъ въ этотъ моментъ какую-то особую прозрачность его лица.

Простите, отецъ Савва, я не буду пѣть...

-Нѣтъ, нѣтъ пойте, прошу васъ, хорошая, душевная пѣсня,- и онъ истово перекрестившись зашепталъ: Христе, Свѣте Истины, просвѣщая и освящая всякаго человѣка грядущаго въ міръ. Да знаменуется на насъ свѣтъ лица Твоего...

Онъ еще нѣсколько разъ просилъ меня пѣть, но у меня, какъ-то, не хватало то-ли смѣлости, то-ли чего другого, названіе чему я затрудняюсь дать. Мы сердечно распрощались до утра - намъ вмѣстѣ предстоялъ путь до Скопле. Какъ я не уговаривалъ его расположиться у меня въ номерѣ, онъ отказался.

Войдя утромъ въ кофейню, я отца Саввы не засталъ. Время близилось къ отходу поѣзда, его все не было. Наконецъ, хозяинъ мнѣ сообщилъ, что о. Савва вчера вечеромъ вышелъ пѣшкомъ въ Скопле, попросивъ передать мнѣ поклонъ и извиненіе, что онъ не могъ предупредить меня. Одинъ моментъ я готовъ былъ отправиться ему въ догонку. Было стыдно, больно и тяжело при мысли, что я могъ неосторожнымъ словомъ причинить ему боль. Вотъ, еще одна, на пути скитаній, промелькнула измученная, съ незаживающей раной, и въ скорби великая, русская душа...

Около полудня поѣздъ, перевалившись горный кряжъ, пошелъ подъ уклонъ, ускоряя ходъ. На одномъ изъ поворотовъ мелькнула знакомая фигура. Я съ замираніемъ сердца, высунулся изъ окна, и, что было силъ крикнулъ: Отецъ Савва, родной, простите меня! Быстро промелькнуло тоже прозрачное лицо, озаренное внутреннимъ свѣтомъ, съ застѣнчивой ласковой улыбкой и донеслось: „Христосъ съ вами, за что-же? Прощайте! И рука поднялась то-ли для крестнаго знаменія, то-ли для привѣта. Я уже не могъ разглядѣть,- поѣздъ началъ дѣлать новый поворотъ.

* *

*

Черезъ два дня я пріѣхалъ въ Бѣлградъ. Первымъ моимъ желаніемъ было разыскать

поручика Крашевскаго и разсказать ему о моей встрѣчѣ. Онъ оказался въ одномъ изъ общежитій, гдѣ занималъ маленькую комнатку. Послѣ привѣтствія, почти сразу я сказалъ ему, внимательно слѣдя за выраженіемъ лица: „Володя, а я тебѣ привезъ поклонъ.-
-Отъ кого?-
-Отъ Онеза, ты зналъ или помнишь такого?-

Несмотря на то, что Крашевскій былъ безъ ноги, онъ вскочилъ, схватилъ меня за руки и въ глубокомъ волненіи набросился на меня съ разспросами:-Онъ живъ? Гдѣ ты его видѣлъ? Я его розыскивалъ, но безрезультатно и рѣшилъ, что онъ погибъ. Вѣдь ты знаешь, это святая душа.-. Я ему разсказалъ о встрѣчѣ съ о. Саввой . Крашевскій долго сидѣлъ съ поникшей головой.

-Рѣшилъ уйти отъ міра... Да, такимъ людямъ въ міру не мѣсто. Мнѣ кажется, что только они принесутъ спасеніе Родинѣ-безконечно сильна ихъ сила вѣры, ибо они были озарены свѣтомъ Христовымъ. Я разскажу тебѣ его исторію:

Какъ-то въ январѣ 18 года, я съ разъѣздомъ отправился въ N-скій хуторъ. Ты знаешь, что въ то время фронта не было и въ расползавшемся „товарищескомъ" морѣ, мы были почти незамѣтными клочками, кочующими съ мѣста на мѣсто, безъ тыла и обозовъ. Ночью мы вошли въ N-скій хуторъ. Первымъ дѣломъ, какъ всегда, направился къ Петренко, помнишь тотъ, у котораго мы оставляли лошадей и иногда прятали раненыхъ? Мы хотѣли расположиться отдохнуть. Устали страшно, промерзли. Вѣдь пришлось сдѣлать верстъ тридцать, а кони и безъ того были измучены, да къ тому же и такая разыгралась мятель, что, какъ говорится, зги не видать. Только пріоткрылъ дверь въ комнату, онъ бросился на меня, прижалъ палецъ къ губамъ, свирѣпо посмотрѣлъ на дверь въ сосѣднюю комнату и вытолкнулъ меня въ сѣни, выскочивъ вмѣстѣ со мной.
-Въ чемъ дѣло?- Спросилъ я шепотомъ.
-У меня въ квартирѣ матросъ, а у сына остановилась его ватага, восемь человѣкъ, всѣ пьяны. Мой матросъ привезъ какого пленнаго священника. Ужъ онъ надъ нимъ издѣвался, былъ нагайкой, выбился изъ силъ, тотъ только Богу молится, а ни разу не крикнулъ. Идите управляйтесь съ ними, они, навѣрно спятъ, а потомъ придете за этимъ. Онъ никуда не уйдетъ, не въ состояніи, да если попытается, я не пущу."

Мы тихо вышли со двора. Насъ всего было пять человѣкъ. Одного за угломъ оставилъсь лошадьми, а съ остальными направился къ сыну Петренко. Непогодь расходилась во всю-въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Хотѣлось это дѣло закончить, по возможности, съ меньшимъ шумомъ. Достали револьверы и взяли въ руки по гранатѣ. Подошли къ ставнямъ. Начали прислушиваться. Тишина. Осторожно открыли дверь, вошли въ сѣни, прислушались. Изъ комнаты доносился свирѣпый храпъ. Пріоткрыли дверь въ комнату. „Товарищи" спали на полу мертвецкимъ сномъ. Въ носъ ударилъ тяжелый запахъ водочнаго перегара. Изъ сосѣдней комнаты пріоткрылась дверь и показался молодой Петренко. Я ему сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ скрылся и приложилъ палецъ къ губамъ. Вошли. Патроновъ было жаль-каждый на счету. Шепотомъ скомандовалъ:

R. Jarsky

Шашки вонъ! Руби!..

Хозяинъ запрягъ сани и мои люди помогли ему сложить трупы. Вернулись къ старику. Его я также услалъ. Быстро распахнули дверь въ комнату матроса. Онъ расположавшись сидѣлъ на диванѣ. На столѣ, у противоположной стѣны горѣла лампа. Матросъ быстро вскочилъ и невѣрнымъ скачкомъ бросился къ столу желая сбить или потушить лампу и уже занесъ нагайку, но моментально схватили. Дѣтина былъ здоровый, едва управились, а приканчивать его сразу не хотѣлъ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе и непередаваемую ругань, его скрутили и бросили на полъ.

—Эй, попъ, счастье твое, думаешь ты намолилъ спасеніе себѣ? —Брехня, подфартило тебѣ до слѣдующаго раза.— Мы всѣ повернулись въ темный уголъ комнаты. На полу, внизъ лицомъ, лежалъ священникъ въ рясѣ. Взяли лампу. Подошли. Сухая, изможденная фигура старца въ старенькой рясѣ, разметавшіяся по полу жиденькія сѣдыя волосы и, залившее въ сплошной кровоподтекъ, лицо изсѣченное нагайкой. Онъ былъ безъ сознанія. Привели его въ чувство.

—Кто вы? —

—Свои, батюшка, не бойтесь! —

Онъ обвелъ насъ еще не вполнѣ сознательнымъ взглядомъ, видимо увидѣлъ погоны и слабо произнесъ: „Христолюбивые воины... Дивенъ Богъ въ святыхъ своихъ!.. И старческое лицо еще больше покрылось сѣтью морщинъ — зарыдалъ. Какъ могли и умѣли, мы старались его успокоить и приласкать. Взяли на руки и посадили на диванъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ ряса была разсѣчена нагайкой и струилась кровь.

—Ну, батюшка, отдохните, а завтра утромъ возьмемъ васъ съ собой.—

Матросъ лежалъ молча. Священникъ попросилъ подвести себя къ нему. Кротко склонился и превозмогая себя, медленно заговорилъ:

—Чадо мое милое, прости меня, если я въ сердцѣ твоемъ всѣялъ злобу.—.

Матросъ началъ опять ругаться. Священникъ съ трудомъ повернулся къ иконамъ, сложилъ старческую дрожащую руку въ крестное знаменіе и проникновенно зашепталъ: „Христе, Свѣте Истины...

Мы молчали крестясь. Матросъ тяжело дышалъ.

—Батюшка, мы васъ положимъ на диванъ, матроса уберемъ и вы постарайтесь уснуть. Если вамъ нужно будетъ помочь — позовите насъ, мы будемъ въ сосѣдней комнатѣ.—

Глядя на него, казалось очевиднымъ, что онъ едва ли доживетъ до утра. Онъ обратился ко мнѣ: „Вы начальникъ? Уважьте мою послѣднюю просьбу, близокъ мой смертный часъ, оставьте его со мной.—

—Батюшка, да онъ вамъ покою не дастъ! — Оставьте, прошу васъ, христолюбивые воины!..—

Меня тронула его просьба и я согласился, хотя смысла его просьбы совершенно не пони-

маль. Передъ уходомъ я съ лампой нагнулся къ матросу. Его лицо покрылось крупными каплями пота. Онъ продолжалъ тяжело дышать. Мы вышли и полуприкрыли дверь. Я приказалъ вывезти трупы и спустить подъ ледъ въ Кубань, чтобы не оставалось никакихъ слѣдовъ.

Не раздѣваясь легли вздремнуть. Я ночью проснулся. Изъ комнаты священника доносился шепотъ. Подошелъ къ дверямъ и заглянулъ. Матросъ лежалъ неподвижно. Въ углу, подъ иконами, распластавшись на полу лежалъ священникъ и молился. Можно было разобрать только отдѣльныя слова и вдругъ старческимъ голосомъ слабо запѣлъ - „Покаянія отверзи ми двери"... Матросъ тяжело вздохнулъ...

Ночь прошла. Свѣтало. Степь еще курилась стихающей мятелью. Я приказалъ вывести матроса и положить батюшку на диванъ. Матросъ стоялъ опустивъ глаза.

-Твое фамиліе? - Огневъ. Растрѣливайте скорѣй. Сказать я вамъ больше ничего не скажу.-

-Не торопись, своего дождешься.- Приказалъ вывести его къ Кубани и отправить вслѣдъ за... товарищами. Онъ повернулся чтобы уходить. Донесся голосъ батюшки. Я вошелъ къ нему. У него начиналась предсмертная икота.

-Гдѣ вашъ плѣнникъ? - Здѣсь батюшка.-

-Введите его ко мнѣ.-

У меня не было силъ отказать и я исполнилъ его просьбу. Огнева подвели къ дивану.

-Чадо мое бѣдное, милое!... Ты, Господи изгонялъ бѣсовъ, изгони и изъ него духъ дьявола!-

Мы остолбенѣли. Матросъ упалъ на колѣни. Дрожащая рука легла на его голову. Батюшка торопливо началъ шептать, но мы могли разобрать только послѣдніе его слова:-Прощаю и разрѣшаю... И впалъ въ безпамятство. Огневъ нѣсколько мгновеній шатался, наконецъ въ дикихъ, звѣриныхъ рыданіяхъ припалъ къ рукѣ батюшки.

Я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Священникъ пришелъ въ себя, приподнялся и съ громаднымъ усиліемъ, смотря въ упоръ на меня, произнесъ:-Пощадите его, возьмите съ собой... онъ будетъ Христовъ воинъ... И упалъ... Скончался.

Всѣ склонились на колѣно. Долгая пауза. Огневъ началъ читать:-Отче нашъ, иже еси...- Остановился и въ досадѣ махнулъ рукой:-Окаянный я и это забылъ. Упокой его душу, Господи!-

Я обратился къ Огневу:-Вставай!-

Онъ медленно всталъ и повернулся ко мнѣ:„Ваше благородіе, смерть мнѣ не страшна, жизнь будетъ тяжелый и страшный, повѣрьте мнѣ, если вы дадите мнѣ жизнь -всю отдамъ вамъ, хочу искупить свое окаянство...-

За спиной рыдала жена Петренко приговаривая:-И мой старшой, сиротинушка, вонъ также, гдѣ-нибудь мается... Простите его!-- Я повернулся. Всѣ стояли опустивши голову. Старикъ Петренко заскорузлымъ кулакомъ размазывалъ по щекамъ, крупныя, какъ горошины слезы.

Вонъ она русская душа! Разгадай ее!... Приказалъ Огневу развязать руки.

Я повѣрилъ ему и никогда въ этомъ не раскаивался. Онъ поѣхалъ съ нами. Я все разсказалъ ротмистру К., какъ было дѣло. Ротмистръ К. приказалъ его вывести и поздоровался съ нимъ.
-Здравія желаю, ваше высо-діе.
К. подошелъ къ нему вплотную.-Зови меня г. Ротмистръ. Ты хочешь служить съ нами Родинѣ?.. Вспомни вѣру твоихъ отцовъ, вернись къ ней!..-Г. Ротмистръ, до послѣдней капли крови, буду вѣренъ вамъ, говорю, какъ передъ Богомъ. Простите меня окаяннаго! Не страшусь смерти, а гнѣва Божьяго...
-Богъ тебя проститъ, иди... и К. крѣпко обнялъ его.

Партизанская жизнь пошла своимъ порядкомъ, если только въ ней есть какой-либо порядокъ. Вскорѣ послѣ вашего отъѣзда, какъ вы знаете, меня назначили начальникомъ ячейки, для поддержки связи черезъ Тамань съ Крымомъ. Насъ было трое-я, корнетъ Житовъ и Онѣвъ. Работа послѣдняго была выше всякой похвалы, а о выносливости и говорить не приходится; особенно большую службу сослужили его прежнія матросскія знакомства и сохранившееся удостовѣреніе какого-то комитета. Въ результатѣ-мы имѣли своихъ людей тамъ, гдѣ трудно было предполагать. Нѣсколько разъ приходилось у Керчи, въ дрянненькой рыбачьей лодченкѣ, въ непогоду, переплывать проливъ и у него это выходило съ какимъ-то особымъ задоромъ. Однажды, у Таманскаго берега, мы столкнулись съ „краснымъ" дозорнымъ катеромъ. Всѣхъ съ нагрузкой-въ лодкѣ, подъ рогожей, лежало нѣсколько ящиковъ съ патронами, револьверы и съ десятокъ карабиновъ. Силы были далеко не равны. Раздумывать было поздно. На окрикъ:-Стой!.. Онѣвъ лѣниво процѣдилъ-Чего надо?-
-Кто такіе?-А вамъ какое дѣло?-
Начальникъ катера вломился въ амбицію, съ руганью и угрозами полѣзъ въ лодку. Онѣвъ огрѣлъ его своей лакой, тотъ безъ единаго слово шлепнулся въ воду-Будешь знать, какъ надо разговаривать съ черноморскимъ матросомъ!.. Послалъ ему въ догонку.

Послѣдніе слова имѣли магическое дѣйствіе-вызвали извиненіе со стороны остальныхъ лицъ дозора и черезъ нѣсколько секундъ они, вмѣстѣ съ нами, добродушно вылавливали изъ воды свое начальство. Тотъ выбравшись, въ миролюбиво-заискивающемъ тонѣ началъ укорять Онѣвъ, почему онъ сразу этого не сказалъ?. Ну, въ общемъ разъѣхались друзьями и при прощаніи „товарищи" пожелали намъ счастливаго пути.

Время шло, близилась весна, а на Кубани она приходитъ рано. Мы возвращались изъ „поѣздки". Съ юга тянуло теплымъ вѣтеркомъ. Снѣгъ начиналъ темнѣть, дѣлаясь ноздреватымъ. Обыкновенно, при своихъ возвращеніяхъ, мы, около Славянской, по льду переходили ночью Протоку (рукавъ Кубани)-на этотъ разъ счастье намъ измѣнило, ледъ тронулся, а мы должны были обязательно добраться этой ночью до штаба. Единственнымъ мѣстомъ переправы являлся желѣзнодорожный мостъ, но онъ былъ занятъ „красной заставой" и по имѣвшимся свѣдѣніямъ охранялся бдительно, такъ какъ другой берегъ теоретически занимался бѣлыми, но туда, лишь изрѣдка, изъ Полтавской наѣзжали небольшіе разъѣзды и весьма на непродолжительное время-не хватало людей. Рѣшили идти напроломъ. Мы знали, что на станціи Про-

тока (верстахъ въ двухъ отъ моста) имѣется ручная дрезина - вотъ и рѣшили ее добывать. Титова оставили на пол-пути къ мосту, у насыпи, съ опаснымъ „товаромъ", а я и Огнев пошли на станцію. Вокзалъ имѣлъ сонный видъ, такъ какъ движенія, кромѣ броневыхъ поѣздовъ, не было. По платформѣ бродило нѣсколько солдатъ и мы присоединились къ нимъ. Изъ кабинета комиссара станціи доносился разговоръ. Черезъ нѣсколько минутъ перешли черезъ полотно къ сараю, гдѣ помѣщалась дрезина. Она была на мѣстѣ. Выкатили, поставили на рельсы, на насъ никто не обращалъ вниманія. Поѣхали... Проѣхали мимо вокзала. Пошли въ гору, подымаясь къ мосту. По пути подобрали Титова. На всякій случай, положили по двѣ гранаты. Револьверы наготовѣ. Подъѣзжаемъ къ мосту. Окрикъ - Стой! Пропускъ!? -
Отвѣтъ - Свои! Пошелъ къ чорту!.. Чего ты орешь?.. Проѣзжаемъ часового. - Стой! Куда! Стрѣлять буду! - Щелкнулъ затворъ.

Изъ караульной землянки донесся шумъ. Бросили нѣсколько гранатъ, стрѣляемъ. Намъ въ погонку стрѣльба и тоже гранаты; одна изъ нихъ, какъ видно артиллерійскаго образца, попадаетъ подъ дрезину. Не успѣли опомниться летимъ вмѣстѣ съ дрезиной на воздухъ. Огненнымъ укусомъ ударило меня въ плечо и чувствую, что рукавъ рубахи началъ сочно пропитываться горячей кровью. Титовъ лежитъ безъ движенія, какъ видно убитъ. Нѣсколько мгновеній тишина и вновь открыли стрѣльбу, медленно отползая по настилу моста. Гранаты летятъ, но не достигаютъ насъ. Несется ругань, крики и отвѣтная стрѣльба усиливается. Судя по вспышкамъ выстрѣловъ, они тоже ползутъ. Наконецъ мы перешли мостъ. Укрывшись за каменнымъ парапетомъ, отстрѣливаемся, дорожа каждымъ патрономъ - ихъ осталось не такъ много.

Хриплымъ голосомъ Огнев шепчетъ: „Господинъ поручикъ, уходите, я останусь въ прикрытіе, спасайте бумаги"...
- Нѣтъ, Огнев, пойдемъ вмѣстѣ. -
- Не могу! - Почему? - Въ ноги раненъ. За мостомъ они насъ сразу схватятъ. Судьба противъ насъ! -
Передаю ему всѣ патроны, оставив одинъ у себя. Словъ не находится. Въ мысляхъ вопросъ: послѣдній поцѣлуй?.. Господи сотвори чудо!.. И рысью пускаюсь подъ откосъ насыпи. Я уже пробѣжалъ съ версту. Перестрѣлка затихла... Конецъ?..
Господи, сотвори чудо!.. Конскій топотъ. Рысью несется нашъ разъѣздъ къ мосту. Скорѣй!.. Саживаю одного всадника и передаю ему бумаги... Скорѣй, надо спасти Огнева!.. Переходимъ въ карьеръ. До моста остается саженъ пятьдесятъ. Надъ головой просвистѣли нѣсколько пуль - насъ прикрываетъ насыпь. Кубаремъ скатились съ коней, привязали ихъ къ телеграфному столбу и бѣжимъ цѣпью. Стрѣльба разгорается, красные бѣгутъ.
Бѣгу къ парапету. Чувствую, что вотъ тамъ лежитъ Огнев... Нѣтъ... Нѣтъ... Только не убитъ! Вотъ онъ, тяжело хрипитъ, лицо залито кровью.
- Огнюша, родной мой слышишь меня?.. Тотъ же хрипъ. Соратники съ моста принесли Титова. Убитъ. Надо скорѣй уходить - слышно идетъ броневикъ.

Ночь прошла. Былъ докторъ, сдѣлалъ перевязку, сказалъ что едва-ли выживетъ - прикладомъ разбитъ весь високъ и выжегъ глазъ. Два дня я просидѣлъ у его постели - онъ не приходилъ въ сознаніе. Полтавцы отказываютъ намъ въ поддержкѣ. Вынуждены уходить на Екатеринодаръ. Что дѣлать съ Огневымъ? Везти его невозможно. Собрались на совѣтъ. Рѣшаемъ черезъ станичное правленіе передать его большевикамъ, подъ видомъ взятаго нами въ плѣнъ матроса, благо при немъ и удостовѣреніе сохранилось, а они его безусловно отправятъ въ Новороссійскъ въ госпиталь, какъ своего.

Какъ ни тяжело было, но пришлось подчиниться суровой необходимости...

x x

x

Начался второй Кубанскій походъ. Армія съ боемъ занимаетъ Тихорецкую и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, с. Бараниковское. Только что расположились по квартирамъ. Я во дворѣ на сѣнѣ пристроился, предвкушая отдыхъ послѣ тяжелаго дня. Слышу: - Поручикъ Крашевскій, гдѣ вы? Васъ спрашиваютъ -

Нехотя встаю и направляюсь къ воротамъ. Не вѣрю своимъ глазамъ: босый, съ косой на плечѣ, въ рубахѣ съ разстегнутымъ воротникомъ, въ полотняныхъ деревенскихъ штанахъ, со страшнымъ шрамомъ на лицѣ - передъ мной Огневъ.

- Огнюша, откуда? Въ косарихъ состоишь? - Къ вамъ пришелъ, опять съ вами служить буду. - Дальше я и не помню хорошо, что мы дѣлали и о чемъ говорили. Вылечился онъ у большевиковъ. - Поручикъ Крашевскій долго молчалъ.

- Ну, пошли мы къ командиру полка, сами знаете, какого численнаго состава были полки того времени. Исторію съ Огневымъ онъ зналъ, а я ему только напомнилъ.

- Здравствуйте, голубчикъ, очень радъ имѣть васъ въ нашихъ рядахъ, только ваша очередь потомъ будетъ, сейчасъ въ строй не пущу и не говорите, за это и Богъ свиньей назоветъ, а вотъ что сдѣлаемъ: идите къ поручику Крашевскому въ роту, пока что, съ патронной двуколкой. Такъ на этомъ и остановились.

Мы были, почти все время, неразлучны. Въ бою подъ Кореновской, мнѣ осколкомъ снаряда разбило ногу. Я потерялъ сознаніе и полкъ, не замѣтивъ меня отошелъ. Огневъ, на этотъ разъ, былъ уже въ цѣпи, что онъ продѣлывалъ въ особо опасныхъ случаяхъ, когда дорогъ былъ каждый человѣкъ, а въ патронной двуколкѣ частенько нечего было подвозить.

Я очнулся, когда наши цѣпи были уже въ полуверстѣ. Справа большевики охватили уже флангъ. У меня было состояніе, какъ у зрителя, не принимающаго участіе въ развертывающихся событіяхъ. Приподнялся на локтяхъ. По полю саженнымъ бѣгомъ несся Огневъ, озираясь по сторонамъ. Увидѣлъ меня, подбѣжалъ, не говоря ни слова взвалилъ на плечи...

Дальше? Дальше не помню. Очнулся въ Тихорецкой, въ госпиталѣ, ноги у меня уже не было. Осмотрѣлся... Рядомъ, въ полузабытьи лежалъ Огневъ. Онъ былъ раненъ въ бокъ.

Долго лежали вмѣстѣ, потомъ и служили вмѣстѣ. Его за боевыя отличія произвели въ

офицеры, но онъ къ этому не могъ привыкнуть. Разлучила насъ эвакуація. Такъ пришлось, что выѣхали, какъ оказывается, разными пароходами и потеряли другъ друга изъ виду...-

Въ комнатѣ было уже совсѣмъ темно. Яркимъ огненнымъ пятномъ, то разгораясь, то затухая, свѣтила папироса. Говорить больше ни о чемъ не хотѣлось. Каждый изъ насъ по своему переживалъ разсказанное и, мнѣ казалось, мы взаимно благодарили другъ друга за молчаніе.

-Эхъ Онюша! Пошли бы мы съ тобой вмѣстѣ на Афонъ, да остановка за малымъ... ноги не хватаетъ,- поворачиваясь къ стѣнѣ лицомъ, въ раздумьи произнесъ Крашевскій, закряхтѣлъ старчески и замолкъ.

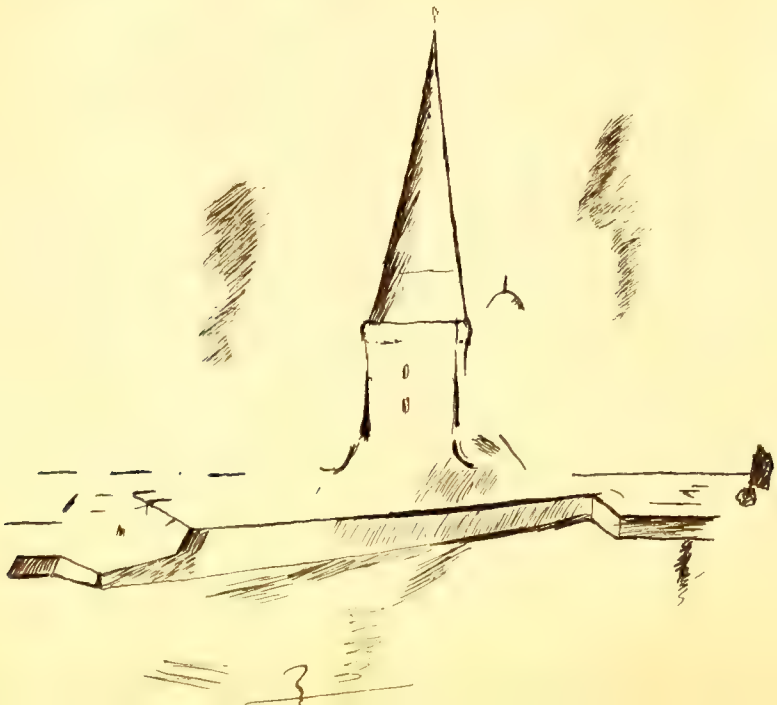
x x

x

Птицы бездомныя, бурей гонимыя и крылья вамъ всѣ изломало и душу разтерзало. Въ вашемъ великомъ порывѣ вы вылились до дна и ушли безропотно по темнымъ закоулкамъ, въ холодъ, въ голодъ, доживать свои безрадостные дни.
Много воды ушло съ тѣхъ поръ, за эти годы.

Тѣ, кто за вашей спиной, грузилъ на пароходы увесистые чемоданы, а потомъ разбазаривалъ въ комиссіонныхъ лавкахъ и притонахъ всего міра, отмахиваются отъ васъ съ досадой - все это имъ надоѣло...
Пытались и „рвы засыпать", но кажется, ни одному изъ нихъ не пришло на мысль, бросить хоть маленькую горсть земли на ваши забытыя могилы, тоже разсѣянныя по всему міру.

Изъ нихъ Кудеяровъ не будетъ.



Курганъ скорби.

Въ туманно-холодной дали исчезая
Покинувъ предѣлы родимой земли
Шли, за собою волну оставляя
И пѣну вздымая на югъ корабли.
По небу неслися, какъ мрачныя думы,
Осеннія тучи и дождикъ порой
Точилъ свои слезы печали угрюмой
Надъ темно-свинцовой, шумящей водой.
Здѣсь скорбей дорога, едва уловимой
Полоскою тающей пѣны легла,—
Той крестной дороги, вела что до Крыма,—
Начало кровавое взявъ у Орла.
Пройдутъ корабли и улягутся волны,
Политыя кровью обсохнутъ пути:
Но рыцарь-изгнанникъ, скиталецъ безсмѣнный
Свой крестъ будетъ гордо къ Голгоѳѣ нести.
Гдѣ будетъ казненъ онъ? Паломникъ объ этомъ,
Пришедшій склонить предъ распятымъ главу,
Разскажетъ отчизнѣ и міра поэта
Грустя передастъ ей людскую молву.
Разскажетъ она имъ о славной могилѣ
О томъ мавзолеѣ у водъ Дарданеллъ,
Гдѣ въ братскихъ объятьяхъ на вѣкъ опочили
Нашедшіе жизни земной здѣсь предѣлъ.
Сѣдой запорожецъ и тотъ, кто глубоко
Любилъ свою Русь и въ изгнаньи принесъ
Не понятый ею, какъ горечь упрека,
Горящее сердце, подъ этотъ утесъ.
Утесъ изъ камней принесенныхъ любовно
Къ останкамъ соратника, брата, отца
Живою еще, но уже утомленной,
Въ борьбѣ непосильной, рукою бойца.
И міру о сотняхъ голодныхъ, забытыхъ,
О сотняхъ нашедшихъ покой здѣсь людей,
О жизняхъ помятыхъ, о жизняхъ разбитыхъ
Разскажетъ у водъ голубыхъ-мавзолей.

О томъ онъ разскажетъ, какъ въ улицахъ Пера
Свой бѣленькій крестикъ продалъ инвалидъ,
Какъ въ улицахъ темныхъ жена офицера
Шла къ мужу съ деньгами, рыдая навзрыдъ.
Какъ мужъ въ ожиданьи баюкалъ ребенка
Просилъ свою крошку не плакать и ждать,
Какъ смѣхомъ невиннымъ и радостно-звонкимъ
Встрѣчала малютка усталую мать.
Онъ вспомнитъ о тѣхъ, о, быть-можетъ, немногихъ,
Кто стиснувши зубы безсильно страдалъ
И въ пальцахъ слабѣющихъ, до смертной дороги
Родимое знамя любовно сжималъ.
И вспомнитъ былое, разскажетъ о многомъ
Отчизнѣ и міру простой мавзолей
О тѣхъ, кто забытъ былъ, казалося, Богомъ
И шелъ одинокой дорогой своей.
Уйдутъ корабли, засинѣются вновь дали,
Отъ солнечныхъ бликовъ растаетъ туманъ
Но всякъ будетъ помнить дорогу печали
Отъ града Орла до цѣпущихъ Балканъ.

П. С.

На фронтѣ съ зелеными.
Въ тюрьму.

За поворотомъ шоссе, приближавшимся въ этомъ мѣстѣ къ морю, все еще шумному, какъ бы взволнованному, грозно наступавшему на берегъ, гдѣ люди творили свои злодѣянія, плѣнные увидѣли растрѣлянныхъ, ранѣе вышедшихъ изъ барака.

По безпорядочному расположенію труповъ отчетливо представилась картина послѣднихъ предсмертныхъ минутъ, еще такъ недавно жившихъ и хотѣвшихъ жить

непремѣнно, что подтверждалось тѣмъ, какъ убиваемые, по-видимому, дѣлали попытки отвратить надвинувшуюся неизбѣжность.

Вотъ два крайнихъ, лежавшихъ въ сторонѣ, въ послѣдній моментъ сдѣлали попытку спастись бѣгствомъ и подстрѣленные, ранеными продолжали стремиться къ жизни, прерванной окончательно выстрѣломъ въ упоръ.

При гробовомъ молчаніи съ все возрастающимъ волненіемъ, когда ноги начинаютъ казаться чужими, затаивъ дыханіе, колонна, помимо своей воли, напрягая послѣднія силы, учащала шаги, стремясь скорѣе отойти отъ страшнаго мѣста, свидѣтельства человѣческой злобы, рожденной революціей, давшей право человѣку быть судьей себѣ подобныхъ и въ то же время карающей десницей.

Никто не смѣлъ произнести слова вслухъ и эта наступившая тишина какъ-бы являлась выраженіемъ глубокихъ чувствъ къ павшимъ отъ рукъ палачей соратникамъ. Эта молитвенная тишина изрѣдка прерывалась еле уловимымъ шепотомъ конвоировъ, тоже потрясенныхъ видѣннымъ, но по-своему и старавшихся внести бодрость:

„Ничего, товарищи, не робѣйте, кого надо было вывести въ расходъ - вывели, а васъ поведемъ въ тюрьму".

Но чѣмъ же были тѣ виноватые и почему ихъ „надо было вывести въ расходъ"? Одному Всевышнему Создателю и безмольному созерцателю міра извѣстны сроки нашего земного существованія.

Пасмурный, сѣрый февральскій день, казавшійся безконечнымъ, перешелъ въ ночь, темную, при тоже такую, когда не видно ни зги, холодно, сыро. Подгоняемые настойчивыми конвоирами плѣнные, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, проходятъ разстоянія отъ привала до привала.

N. стойически переноситъ нестерпимыя страданія - изрѣзанныя о щебень ноги кровоточатъ; только мгновеніе, пока ноги поднятыя для шага извлекаются изъ грязи, разнится въ температурѣ даетъ нѣкоторое облегченіе, за которымъ слѣдовали новые приступы боли.

Да ради чего эти страданія? И стоитъ ли дальше жить? - Быстро выростаетъ вопросъ. Получился отвѣтъ въ дѣйствіи: на первомъ же привалѣ N. рѣшилъ дальше не идти, посчитавъ, что конвойные нянчиться съ нимъ не будутъ и свершится то, что въ такихъ случаяхъ происходитъ - будетъ убитъ.

Привалъ. Раздалась команда старшаго конвойнаго: „Построиться".

N. не тронулся съ мѣста; не поднялся когда по его адресу раздался рѣзкій окрикъ. Наконецъ N. не увидѣлъ, а почувствовалъ направляющуюся къ нему какую-то фигуру и также не увидѣлъ, а почувствовалъ занесенный надъ нимъ прикладъ.

„Дальше я не пойду, не могу. Добивайте", послѣдовалъ въ отвѣтъ на окрикъ рѣшительный голосъ N. Послышалась площадная брань и щелкнулъ затворъ. Но въ то же мгновеніе, совершенно неожиданно изъ темноты выросла фигура человѣка, обратившаяся

спокойно къ заносчивому конвоиру съ предложеніемъ оставить выбившагося изъ силъ „товарища" на его попеченіе, пообѣщавъ своевременно доставить плѣннаго къ мѣсту ночлега. Спокойный тонъ, но рѣшительно произнесенныя слова не встрѣтили сопротивленія и угрожавшій расправой растворился въ темнотѣ.

Нѣкоторое время слышались шлепанія нѣсколькихъ десятковъ ногъ по грязи, а потомъ наступила непередаваемая тишина.

Все происшедшее въ дальнѣйшемъ утвердило рѣшеніе N. въ необходимости жить во чтобы то ни стало и онъ внутренне упрекнулъ себя за слабость душевную, вызванную физическими страданіями.

„И чего мы воюемъ, товарищъ, для чего другъ друга мучаемъ?" - Были первыя слова, произнесенныя съ достоинствомъ, нѣсколько вкрадчивымъ баритономъ, повидимому уже не молодого человѣка. Внѣшне, какъ удалось разглядѣть при свѣтѣ спички, зажженной для закуриванія имъ же предложенной и свернутой козьей ножки, опрятный, благообразный, съ лицомъ обрамленнымъ окладистой бородой, въ лаптяхъ (характерная обувь тѣхъ мѣстъ) онъ являлъ типъ Тургеневскаго Калиныча - уравновѣшаннаго, спокойнаго, разсудительнаго, съ философскимъ умомъ, простыми и стройными понятіями и такими же словами.

Діалогъ начавшійся словами о никчемности гражданской войны, постепенно захватилъ болѣе широкія темы. Незамѣтно встали, съѣвъ предварительно пополамъ подъѣденный кусокъ кукурузнаго хлѣба и направились къ мѣсту ночлега.

Человѣчность простого, случайно встрѣтившагося на пути человѣка, сердечное и задушевное участіе его придало бодрости N. и незамѣтно пройдя путь и дружески распрощавшись со своимъ спасителемъ N. вошелъ въ комнату, переполненную уже спавшими, тяжело уставшими людьми. Повалившись на полъ, между двумя спавшими, N. также быстро заснулъ.

На другой день предстоялъ послѣдній переходъ до ближайшаго города, гдѣ находилась тюрьма - единственно желанная цѣль переживаемаго имъ момента.

Продолженіе слѣдуетъ.

Нилъ.

I.

Лучистыя струилися мечты.
Восторженно отъ міра отчужденны,
Своей любви мелькали свои цвѣты
Сливалися понятія словъ - я и ты -
Одною болью сладкою пронзенны.

Терялись въ вѣчности изжитые часы,
И возвращалися сверкали неизмѣнны
Какъ перлины утренней росы;
Предѣльный грузъ приняли счастія вѣсы
И грѣхъ терялся въ радости священной.

II.

Разсмѣялася нарочито и звонко,
Вызовомъ метнулися глаза.
И притихла жалобно въ сторонкѣ -
Сердце съ разумомъ бѣжали въ перегонки -
Злоба тлѣла, жалость и слеза.

Молчаливое тянулося томленье,
Неувѣренный попался взглядъ.
Въ немъ скользнуло дальнее рѣшенье,
Было въ немъ послѣднее горѣнье -
Счастью прошлому торжественный парадъ.

И. С.
Бельфоръ.

Ксенія.
Разсказъ.

До девяти лѣтъ прожила Ксенія въ крестьянской хатѣ, въ маленькой деревнѣ, близь моря. Среди братьевъ и сестеръ выдѣлялась она скромностью и стремленіемъ къ уединенію. То займется тряпками, то наберетъ камешковъ и играетъ часами, что-то нашептывая про себя. Потомъ стала ходить она къ морю и вмѣстѣ съ остальными помогала чистить рыбу.
Но не спорилось въ рукахъ дѣло... Осторожно, медленно беретъ рыбу, все время вытираетъ руки.
— Что имѣньицкая барышня, — говорилъ бывало отецъ.
Несмотря на это и мать и отецъ любили Ксенію и какъ-то выдѣляли ее изъ среды другихъ дѣтей.

Потомъ пошла она въ школу и все время уходило у ней на уроки, да на уходъ за собой. И среди другихъ дѣтей школьниковъ скоро она обособилась, отличаясь и поведеніемъ и успѣхами. Кончила Ксенія школу, но дома не приносила никакой пользы, кстати въ имѣніе понадобилась дѣвочка для услугъ, староста предложилъ барынѣ Ксенію и вскорѣ она перешла въ сосѣднее имѣніе.

Быстро освоилась Ксенія на новомъ мѣстѣ и всѣ въ домѣ были довольны толковой и ласковой дѣвочкой. Все больше втягивалась Ксенія въ жизнь большого дома и все рѣже стала появляться въ домѣ отца. Пріодѣлась, принарядилась; придетъ домой, принесетъ всѣмъ гостинцевъ и всѣ ухаживаютъ за ней, обращаются съ уваженіемъ, какъ къ гостьѣ, какъ къ „городской".

Расцвѣтала и хорошѣла дѣвочка. Стала первой красавицей не только въ деревнѣ и имѣніи, но по всей окрестности знали „имѣньицкую Ксенію". Многіе парни ходили понуря головы, много засылалось сватовъ; но однажды, когда отецъ заикнулся было ей о сватовствѣ сына лавочника, она строго взглянула на него, рѣзко оборвала разговоръ, сидѣла меньше обыкновеннаго, недовольная ушла.

Ходила иногда Ксенія на деревенскіе танцы, посидитъ немного, ни кому не даетъ предпочтенія, со всѣми ровна, и уйдетъ раньше съ Катей, работницей изъ имѣнія. Посмотрятъ парни вслѣдъ, только вздыхаютъ...

Но вотъ надумала барыня перебраться на время въ городъ, пожить у дѣтей. Выросли, оперились ея птенцы и рѣдко заглядываютъ въ свое гнѣздо.
Позвала Ксенію и спрашиваетъ ее, согласна ли она ѣхать въ Петербургъ.
— „Позвольте, — говоритъ Ксенія: „посовѣтоваться со своими".

Заохала мать, закручинился отецъ. Глухо простонулъ: „Смотри сама, какъ тебѣ, мы что"...
Плачетъ мать глядя на нее. Обступили ребята, только старшій братъ возражаетъ, да отговариваетъ.
Всю ночь не спала Ксенія. Утромъ сказала барынѣ, что согласна ѣхать, а черезъ два дня

прощалась съ родными. Много было слезъ, много указаній и совѣтовъ и Ксенія покинула родные края.

Вотъ и столица. Большой домъ, комнатамъ и счета нѣтъ. Богато живетъ барынина дочка, вышедшая замужъ за гостившаго у нихъ въ имѣніи офицера, пріятеля ея старшаго сына Игоря.

Прошла первая суета, стала Ксенія присматриваться къ жизни столичнаго города, шумъ, громадное движеніе поражали и увлекали ее. Нарядная, свѣжая и красивая горничная повсюду обращала на себя вниманіе, а приказчикъ Федоръ, человѣкъ уже не молодой, но съ деньгами сталъ уговаривать Ксенію выйти за него замужъ.

— Откроемъ лавочку и заживемъ съ вами, Ксенія Григорьевна, спокойненько, домкомъ.—

Отшутилась Ксенія и попрежнему продолжала тихо жить, да смотрѣть за своимъ дѣломъ, изрѣдка посылая домой короткія письма, да отправляла аккуратно деньги отцу.

Пріѣзжалъ въ городъ отецъ. Погостилъ у дочки, остался доволенъ и осыпанный подарками и заботами и отъ дочки и отъ барыни спокойно уѣхалъ домой. Только при прощаніи не выдержалъ и слеза покатилась по огрубѣлому лицу.

Но не всегда была спокойна Ксенія.

Бывало уйдутъ всѣ, заберется она въ свою комнату и ходитъ по ней ломая руки, а то уставится въ одну точку, сидитъ неподвижно о чемъ то глубоко думая.

Подойдетъ къ кровати, достанетъ изъ подъ подушки сверточекъ, бережно вынетъ изъ него сверточекъ, и глядитъ на нее пристально долго, гладя, цѣлуя и поливая слезами. Переживаетъ и вспоминаетъ то, что только она, да еще одинъ человѣкъ знаютъ на свѣтѣ. Помнитъ она хорошо тотъ день, когда пріѣхалъ погостить молодой баринъ, Игорь Евгеньевичъ.

Смутилась Ксенія блестящаго офицера, когда онъ улыбаясь осматривалъ ее и расспрашивалъ, встрѣтя на балконѣ. Невольно обернулась Ксенія, а молодой баринъ стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Утромъ, на другой день, Игорь Евгеньевичъ всталъ раньше другихъ, не случайно встрѣтилъ опять у балкона Ксенію и попросилъ принести ему чая. Когда Ксенія вошла, неся подносъ съ чаемъ, булками, молокомъ, онъ ходилъ по балкону и увидя Ксенію подошелъ близко къ ней.

— Вотъ спасибо,— и одной рукой старался помочь ей поставить подносъ, а другую положилъ на плечо. Не позволявшая даже лишняго слова сказать при себѣ мужчинамъ Ксенія не нашла силы возразить что либо Игорю Евгеньевичу.

Медленно высвободилась она, яснымъ, довѣрчивыми глазами взглянула на него и зардѣвшись, застыдившись быстро ушла въ домъ.

По нѣскольку разъ въ день встрѣчались они, Ксенія была какъ въ чаду, мысли рвались,

всю ее будто какая-то сила ухватила и лишила воли.

Потомъ... Потомъ-садъ. Спитъ громадный домъ. Спитъ старая барыня вдова, пожелавшая спокойной ночи дорогому Игрушенькѣ, спятъ люди утомленные трудомъ и только двѣ тѣни безшумно скользятъ между вѣковыхъ деревьевъ.
Только луна, да старыя липы знаютъ тайну.

Прошелъ мѣсяцъ. Уѣхалъ гость. Стойко выдержала Ксенія разлуку.-Кабы барыня не догадалась, да милому не было непріятности.- И остался ей только портретъ, на другой сторонѣ котораго: „На память моей красавицѣ Клавдюшѣ отъ любящаго Игоря".
Уѣхалъ онъ въ свой полкъ, часто писалъ матери и приписывалъ привѣтъ доброй Ксеніи. Потомъ началась война. Вызвалъ онъ мать телеграммой и наскоро простившись съ ней уѣхалъ.

Много разъ приставалъ Ѣдоръ къ Ксеніи, но она только коротко говорила ему: „Какая ужъ я вамъ жена, поищите получше".
И вдругъ все рухнуло... Закурилась, задымилась русская революція, не давъ вспышки хотя бы на короткій срокъ, гарью, удушливымъ смраднымъ дымомъ застлало землю, заслезила глаза, отравила души, задеревѣнели сердца. Гнулъ, жалъ всѣхъ прессъ свободы. Голодъ и смерть были побѣдными трофеями революціи.
Хлѣба-не кричали, но шептали, а то и безмолвно молили люди; хлѣба за все богатство, за любовь, за друга, за предательство, за кровь...
Не выдержала старая барыня и вскорѣ ушла изъ этого міра шепча благословеніе дорогому сыну. О немъ, далекомъ, отсутствующемъ были ея послѣднія думы.
Ушла старая барыня, Забрали темной ночью ея дочь, вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ мужемъ. Тащили изъ дома все, что попадалось чужіе, безвѣстные люди. Ксенія осталась одна. И только Ѣдоръ остался вѣренъ ей.
- Будьте моей женой, - повторялъ онъ: - Я васъ буду лелѣять какъ птичку"...
Въ слезахъ, безвольно повѣдала Ксенія свою тайну.
-Ну, что было то забудемъ, а новому времени и новыя дороги.-

На другой день Ксенія переѣхала въ маленькую квартиру жениха. Ѣдоръ собирался бросить городъ и переѣхать въ деревню. Случайно подвернулся солдатъ, землякъ Ксеніи, пробирающійся домой, она написала роднымъ письмо, сообщивъ о своей перемѣнѣ и адресъ мужа.

Былъ темный осенній вечеръ. Къ дому Григорія подошелъ человѣкъ. Озираясь, тихонько стукнулъ онъ въ окошко и прижался къ стѣнѣ. Вскорѣ послышался шумъ въ сѣняхъ и сухой рѣзкій голосъ Григорія: „Кто здѣсь?"
Человѣкъ вышелъ изъ за угла и подойдя поближе тихо сказалъ: „Это я, Григорій, Игорь Евгеньевичъ, изъ имѣнія". Встрепенулся Григорій и схвативъ Игоря потащилъ за собой.

Всю ночь не смыкали глазъ въ избѣ. Многое перенесъ за эти часы измученный и уже много пережившій Игорь.

—Мама умерла, мама умерла,—шепталъ онъ: „Сестра овдовѣла, одна среди чужихъ. Ксюша замужемъ—рѣзануло сердце.

Утромъ Григорій далъ наказъ ребятамъ:—Ни пикнуть у меня, а то головы оторву—и повелъ Игоря спать въ заднюю комнату, приказавъ ни въ коемъ случаѣ не открывать туда дверь.

А на другой вечеръ Игорь прощался съ хозяевами и взглянувъ въ сторону родимаго дома тронулся въ безвѣстный путь. Неясны были цѣли, не отдавая отчета къ чему—пробирался Игорь туда, гдѣ жила Ксенія и чѣмъ ближе подвигался, тѣмъ больше волновался и торопился скорѣе добраться до села.

Оборвавшійся, обросшій пришелъ онъ въ село и спросилъ у первой встрѣтившейся бабы домъ Ксеніи Окуневой.

—Это предсѣдательша-то, да вонъ—и баба ткнула пальцемъ:—синія оконца.—Ксенія возилась на дворѣ, около крыльца.

—Ксюша,—вырвалось изъ сердца и Игорь забывъ все кинулся къ ней. Ксенія рѣзко повернулась, вскрикнула и бросилась навстрѣчу.

Прошелъ первый порывъ. Явилась мысль—увидятъ, какъ быть? Дома живетъ старуха мать Ѳедора, сестра, да и самъ скоро долженъ придти домой. Рѣшили идти Игорю пока на сѣновалъ, а тамъ видно будетъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

. . . . . .

. . . . . .

Люблю вечернею порой
Бродить по улицамъ столицы,
Съ своей изысканной тоской.
Какъ будто новыя страницы
Забытой книги предо мной;
Бѣгутъ рисунки вереницей.
И зыбко, чуждо, ловитъ взглядъ
Всѣ чужеземныя явленья.
Вдругъ разомъ мысли улетятъ
Въ желанно-сладкія селенья.
И рядъ картинъ на перебой

Завьется вихремъ торопливо,
Вскинаюсь гордостью сквозь
Въ душѣ молитвенный покой
И радость сладкая, утѣха,-
Какъ бы потерянная вѣха
Опять явилась предо мной.
Благословенъ священный край!
Невозвратимыя годины
Ушли, такъ скажемъ имъ-прощай,
Смирясь съ велѣніемъ судьбины...
Но мой продолжу разговоръ;
Бредешь, неясное томленье
Нисходитъ тихо; на просторъ
Летитъ душа; ея горѣнье,
Какъ углубленное моленье,
Передаетъ туманный взоръ.
И мнится будто надо мной
Дрожащее робкое мерцанье,-
Звѣзды предъ пышною зарей
Лучей послѣднихъ трепетанье.
О, этотъ сладостный туманъ!
Больныхъ сердецъ обманный ропотъ.
Изъ многихъ, многихъ чуждыхъ странъ
Я слышу чей-то древній шепотъ.
И все теряется кругомъ,
Стихаетъ говоръ, перебранки,
Царитъ надъ всѣмъ, волшебнымъ сномъ
Далекій образъ сестрянки...
О, гдѣ тѣ балованы фортунъ,
Что, да простится эта вольность,
Въ нашъ непредвидѣнный канунъ
Ловили вашу благосклонность.
Забыты ль величавый тонъ,
Капризы, легкая небрежность,
Манящій холодъ, скрытый стонъ,
Исканій жуткая мятежность,
Необъяснимой ласки нѣжность,
Веселый счастья перезвонъ.

Cap. 12.

Но не отдѣлимъ свѣтлыхъ дней
Отъ нашей сумрачной эпохи;
Пусть отблескъ вспыхнувшихъ огней
Возжетъ остаточные крохи
Полу-безчувственныхъ сердецъ,
Дерзаетъ выразить пѣвецъ
Напѣвомъ скромнымъ величанье
За несравнимое терпанье
За тонъ страданія вѣнецъ
Что русской женщинѣ въ изгнаньи
Случилось гордо пронести.
Блѣднѣютъ злобные навѣты
Зачали древнія завѣты
Старинной правдою цѣвсти.
Придетъ тотъ часъ... Но мочи нѣтъ,
Нѣтъ силъ промыслить тотъ моментъ
Когда коснусь земли родимой...
Умелъ миражъ... Мелькаютъ мимо
Черты чужихъ, холодныхъ лицъ,
Движенье этихъ вереницъ
Терзаетъ, давитъ, тяготитъ
И злоба легкая бурлитъ.
Такъ застарѣлая заноза
Такъ опадающая роза
Въ васъ раздраженіе родитъ.
Скорѣе въ тишь, гдѣ нѣтъ и слѣда
Той надоѣдной суеты
Въ тишь скромной бѣдной простоты.
Такъ поминальнаго обѣда
Всегда привѣтствуемъ конецъ
Такъ утро свадебнаго бреда
Ласкаетъ холодокъ колецъ.
Въ выси убогой конуры
Смиряюсь торжествомъ прикрытымъ
И чувствую - скоро будутъ сбиты
Замки съ заставокъ и тюрьмы.

. . . . . .

. . . . . .

В. П.

Грезы.

Е. М. Ка-ой.

Грезы юности мятежной,
Пѣснь восторженной души,
Жизни сказка, сказка вѣчной
Безпредѣльной красоты.

Грезы ландыша невинность,
Вредъ чарующей весны,
Сердца милая наивность —
Грезы счастья, грезы-сны.

И порывъ, и восхищенье,
Звуковъ дивныхъ упоенье,
Стонъ, призывъ, томленье нѣги,
Царства фей волшебны брег.

Грусти дымка, призракъ счастья,
Міръ цвѣтовъ, игра видѣній,
Тѣнь минувшаго ненастья,
Радость сладостныхъ мгновеній.

Нѣжный шепотъ, тихій лепетъ,
Лучезарная любовь!
Цвѣтъ надеждъ, сомнѣнье трепетъ,
Блескъ манящихъ огоньковъ.

Мыслей взлетъ, мечты рожденье,
Жизни вѣра, просвѣтленье.
Благость, сладость бытія
Скорбь и горечь пробужденья,
Дня грядущаго заря.

Грезы — пристань примиренья,
Дней канувшихъ отраженье,
Проблескъ хмурой сѣдины.
Благодарное моленье,
Тѣмы ползущей озаренье; —

Грезы счастья, грезы-сны.

Есть люди кроткіе – но кротость величава,
Добромъ и мудростью она озарена
И истина житейскаго устава
Укоромъ на душѣ у насъ отражена.

Есть люди мягкіе – но мягкость утонченна,
Страданье и любовь развѣяли раздоръ.
Отъ нихъ бреде́мъ въ сліяньи озаренномъ
Окрѣпшіе въ сверкающій просторъ.

Есть люди тихіе – но тишь благословенна,
Надеждой ясною пути ихъ облекло,
И грозы вѣрою развѣяло смиренной,
И міру хладному отъ нихъ тепло, тепло.

Измѣна.

Это было давно. Оглянешься назадъ и покажется, что неизмѣримое количество времени прошло съ той поры, когда мы перейдя родной рубежъ сбросили военное обмундированіе и стали приспосабляться къ чужой жизни. Взглянешь на себя въ зеркало, отразятся усталые глаза, морщинистое лицо, сѣдинки въ волосахъ и не хочется вѣрить, что это настоящее, не укладывается въ сознаніе мысль о незамѣтно ушедшей самой желанной порѣ.
Кажется нужно бы смириться, даже немного и порадоваться, но неизбывная тяжесть гложетъ и не выливаясь отчетливо ни въ полное отчаяніе, ни въ смиренное спокойствіе, мучаетъ день за днемъ и все ожидаешь чего-то, что обновитъ, возвыситъ и откроетъ

еще неизвѣданное, желаемое и свѣтлое...

Заснула жена, спитъ безмятежнымъ сномъ малютка сынъ и я одинъ въ тихую ночь предан ъ своимъ бѣгающимъ мыслямъ.
Мы съ женой давно уже прожили время восторговъ, нѣжностей и ласкъ, которыя занимаютъ все время у молодоженовъ и когда все окружающее есть только пріятное добавленіе къ нашимъ переживаніямъ.
Мы уже позволяемъ себѣ въ нашихъ разговорахъ разсуждать о томъ, что не будь той или иной случайности и мы бы не были женаты; уже легкая иронія неизбѣжна при упоминаніи о нашихъ первыхъ дняхъ счастья. Шутка смягчаетъ силу ложнаго стыда при воспоминаніи о нашихъ трогательныхъ надуманныхъ именахъ и нѣжныхъ обоюдныхъ заботахъ.

Но не только тревога ума нарушаетъ покой жизни.
Мнѣ кажется, что у каждаго человѣка бываетъ въ жизни моментъ, когда заропщетъ, заговоритъ сердце и судьба ли, обстоятельства или что другое приходятъ къ нему съ тѣмъ или инымъ отвѣтомъ.

Давно это было. Я зашелъ на почту. Нужно было отправить деньги. У окошка стояла очередь. Ожидавшіе оглядывались на каждаго входящаго новаго посѣтителя, осматривали было одинъ другого и черезъ минуту другую отходили отъ окошка; закрывшаяся дверь выкидывала изъ памяти ушедшихъ. Къ нашей очереди подошла молодая стройная дама. Въ рукѣ у нея былъ переводной бланкъ и нѣсколько ассигнацій. Она равнодушно окинула всѣхъ бѣглымъ взглядомъ и остановилась около меня. Я посторонился. Дама поблагодарила и въ ея короткомъ броскѣ глазъ было скользнувшее мигомъ вниманіе. Когда она направлялась къ дверямъ я настойчиво слѣдилъ за ней. Я увидѣлъ еще разъ строгое лицо; видимо мой напряженный взглядъ достигъ до нея и она непроизвольно подняла глаза. Одинъ моментъ и я прочелъ на ея лицѣ недоумѣніе, досаду, безразличіе...

Дни шли своимъ чередомъ, нѣтъ-нѣтъ, да вспоминалось иногда мимолетная встрѣча. Прошло порядочно времени. Я пошелъ въ театръ, вмѣстѣ съ одной барышней, не думая, что потомъ суждено будетъ назвать ее своей женой. Осматривая публику я остановился глазами на одной ложѣ. У барьера ея стояла красивая, нарядная дама. Я узналъ ее. Съ ней въ ложѣ былъ какой-то представительный, изящный старикъ. Въ бинокль я слѣдилъ за лицомъ этой дамы и видѣлъ, какъ глаза ея блуждали по первымъ рядамъ и ложамъ. Старикъ видимо ее позвалъ. Она прищурила глаза и медленно повернулись къ нему. Я взволновался. Моя разсѣянность была замѣчена. Дабы загладить неловкость я стилъ излишне предупредителенъ. Замѣчу въ скобкахъ, мнѣ кажется, что это вниманіе къ моей спутницѣ сыграло потомъ свою роль. Кончилось представленіе. Говорливой, возбужденной лентой медленно тянулась публика къ выходу. Досада на шутки моей спутницы, досада на всѣхъ толкавшихся и смѣявшихся людей,

J. Jarsky

ожиданіе, пытливое высматриваніе... И вдругъ!

Я теперь довѣряю романистамъ, ибо самъ на опытъ убѣдился въ частые, почти невозможныя неожиданности. Мы встрѣтились, встрѣтились такъ, что нѣсколько шаговъ прошли рядомъ. Многое, а мнѣ показалось, что въ этомъ пустяшномъ, минутномъ столкновеніи было многое, я не могъ запечатлѣть. Помню только тѣнь улыбки прошедшую по прекрасному лицу. Такую улыбку дано уловить только посвященнымъ, только чѣмъ-то связаннымъ, близкимъ людямъ. Всякое настроеніе, движеніе, помыселъ воспринимается тогда отчетливо и чутко. Переживалъ я эту минуту долгіе часы и горячо лились слова, отражая настроеніе, при проводахъ бывшей со мной барышни.

А потомъ дальнѣйшія встрѣчи связывали меня съ Варей, такъ звать мою жену, пришелъ день, когда я, какъ говорится, предложилъ ей руку и сердце. Но сейчасъ я не хочу останавливаться на всѣхъ этихъ подробностяхъ. Чувствую, правда, себя виноватымъ и осторожно оглядываюсь на спящую жену.

Какая-то сила тянетъ воспоминанія къ другой дорогѣ.

Какъ-то зашелъ я въ большой магазинъ. Зашелъ не имѣя опредѣленной цѣли, зашелъ и понялъ, что такъ нужно было. Прежде всего увидѣлъ я мою незнакомку. Она уже шла къ выходу. Я растерялся, оторопѣлъ. Широко распахнулъ дверь и, не отдавая отчета себѣ, вышелъ за ней на улицу. Она смутилась и задержалась.

Я заговорилъ. Въ голосѣ моемъ была такая мольба, боль и искренность, что она стала слушать меня... Мы начали встрѣчаться.

Въ зимній сверкающій вечеръ лихачъ подвезъ насъ однажды къ моему дому. Подъ тяжелой шубой у меня была сохранившаяся еще офицерская форма. Радостно было чувствовать себя въ военномъ френчѣ, стягивавшемъ плотно талію, звенѣли шпоры, обновленно сказочно горѣли на сѣнту погоны, переливы огней играли на крестикѣ.

Началась двойная жизнь. И странно, чѣмъ стремительнѣе, пылкѣе были наши встрѣчи, тѣмъ глубже, пріятнѣе, дороже, становились мои отношенія къ невѣстѣ.

Черезъ два мѣсяца я проводилъ мою даму за-границу, а вскорѣ же была отпразднована свадьба. Невѣстѣ, а потомъ и женѣ я не сказалъ ничего. Прошли года. Затуманилось прожитое и забылись всѣ переживанія. Только въ часы раздумій доходитъ иногда передъ до этого маленькаго эпизода. И уже если допытываться до причинъ этихъ смутныхъ томленій, пожалуй можно дать одно объясненіе - человѣкъ никогда не удовлетворенъ, никогда въ совершенствѣ не бываетъ доволенъ.

Любопытство-ли, проснувшійся ли голосъ признательности, нарушаютъ тишину - кто знаетъ? А можетъ быть старыя забытыя права, по особымъ законамъ пробуждаются и заявляютъ свои требованія? И тогда начинаешь колебаться: подойти къ женѣ, открыться, уничтожить секретъ, или зарыть поглубже тайну, замести, разъѣлять и предать забвенію?

В. П.

Парижъ.

С.-Западники за работой.

Братцы, грянемъ-ка дубинушку,
Да возьмемся за вагонъ.
Эхъ! Какъ вспомнишь Мать-Россіюшку
Сердце съ груди рветься вонъ.
Ну, развертывай-ка силушку,
Да толкнемъ вагонъ впередъ,
И кто думалъ, что дубинушку
Русскій воинъ запоетъ.
Не для этого Россіюшка
Насъ вскормила, берегла,
Чтобъ далекая чудобинушка
На работы собрала.
Ну, да вырочемъ, что нечалиться,
Вѣдь не завтра умирать.
Послѣ будетъ время жалиться
Да ушедшихъ вспоминать.
А что, братцы, если грянула бъ
Вновь съ коммуною война,
Въ сердцѣ кровь, поди воспрянула бъ,
Всѣхъ подняла бы волна.
Всю то накипь коммунальную
Научили бъ вспоминать,
Какъ въ заутреню пасхальную
Мужикамъ въ лицо плевать.
Стой! Тупикъ. Кончай дубинушку,
Здѣсь и свалимъ матерьялъ;
Да, въ тупикъ и Мать-Россіюшку
Изуверовъ сбродъ загналъ.

Памяти погибшихъ С.-Западниковъ.
(При открытіи памятника.)

Пронесутся вѣка, поколѣнья пройдутъ,
Потемнѣютъ исторій страницы;
Но на нихъ письмена, тѣ вѣка не сотрутъ,—
О положенныхъ братьяхъ въ гробницы.

К. Н. Эстонія.

Торжество русскаго слова.

Иванъ Алексеевичъ Бунинъ получилъ премію Нобеля по литературѣ. По всѣмъ странамъ русскаго разсѣянія пронеслась эта радость. Встрѣтили эту вѣсть радостно, но достойно. Давно уже русская литература выдвинула писателей, которые имѣли всѣ права на эту премію. Не будемъ перебирать причины, столь запоздалаго признанія заслугъ нашего слова. Присужденіе преміи Бунину въ данное время примиритъ всѣхъ съ этимъ упущеніемъ.

Не забудемъ, что Шведская Академія чествуетъ изгнанника, не забудемъ, что среди другихъ кандидатовъ на премію былъ Максимъ Горькій, за котораго усиленно хлопотали большевики. Академія даетъ фактомъ признанія Бунина удовлетвореніе и всѣй русской литературѣ, той литературѣ, что горѣла правдой, добромъ и красотой на родной землѣ и въ изгнаніи, несмотря на всѣ трудности продолжаетъ свое развитіе.

Порадуемся еще одной нашей побѣдѣ и пожелаемъ Ивану Алексѣевичу Бунину многая лѣта. Да цвѣтетъ его слово на славу родной землѣ и искусству!

И. А. Бунинъ родился въ 1870 году, 10 октября. Родился въ городѣ Воронежѣ. Происходитъ изъ старой дворянской семьи. Печататься началъ въ 1887 году. Первымъ опытомъ были стихотворенія. Близость къ деревнѣ и природѣ опредѣлили творчество Бунина. Тонко и мастерски изображаетъ Бунинъ свои наблюденія надъ природой, сочетая эти описанія съ своими душевными переживаніями.

Въ 1909 году Императорская Академія Наукъ избрала Бунина почетнымъ академикомъ по разряду изящной словесности. Къ началу вѣка относится появленіе первыхъ беллетристическихъ произведеній, за которыя Бунинъ получилъ нѣсколько премій.

Есть что-то суровое, прямолинейное до жестокости въ изображеніи Бунинымъ русскаго деревенскаго быта. Читая „Деревню", можно усумниться въ справедливости изображенія и поразиться тѣми приговорами, которыя выносились авторомъ деревнѣ. Но подъ сухимъ, суровымъ словомъ горѣла любовь къ народу. Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ эта безнадежность блѣднѣетъ, душа видитъ просвѣтъ.

Ко времени великой войны Бунинъ отрывается отъ излюбленной имъ темы. Появляется выдающійся разсказъ „Господинъ изъ Санъ-Франциско", за которымъ слѣдуетъ рядъ другихъ произведеній. За границей Бунинымъ написано нѣсколько новыхъ книгъ. Наиболѣе широко распространенна: „Митина Любовь".

Особо отмѣчается еще неоконченная книга: „Жизнь Арсеньева".

Упорно, настойчиво, преданно и любовно шелъ Бунинъ по разъ избранной доро-

гъ. Сейчасъ трудности всѣ пройдены и смѣло можно сказать, что еще много радостей получимъ мы отъ великаго художника слова.
Заканчивая маленькій настоящій очеркъ, приведемъ одно стихотвореніе, написанное молодымъ Бунинымъ.

Наканунѣ.

Мы рядомъ шли, и на меня
Она глядѣть уже смущалась,
Но въ вѣтръ мартовскаго дня
Пустая наша рѣчь терялась.

Бѣлѣли стужей облака
Сквозь садъ, гдѣ падали капели,
Блѣдна была ея щека,
Но какъ цвѣты глаза синѣли.

Не смѣлъ полураскрытыхъ устъ
Уже и я касаться взглядомъ,
Но былъ еще блаженно пустъ
Тотъ дневный міръ, гдѣ шли мы рядомъ.

За завѣсой минувшаго.

Дошла вѣсть о присужденіи Нобелевской преміи И. А. Бунину. Мысли невольно обращаются къ той эпохѣ, когда маститый писатель жилъ и работалъ на родинѣ. Встаютъ многіе, многіе, уже полу-забытыя тѣни и обновляется то заглушенное настроеніе уюта, довольства, уваженія и преклоненія предъ тѣми, кто мыслилъ и творилъ.

Вспоминается, какъ внимательно слѣдили, жадно вчитывали и остро переживали каждое новое произведеніе. Перечитываю старыя стихотворенія Бунина. По иному воспринимаются всѣ строки, онѣ стали значительнѣе и дороже.

... Но небо ясно, отмели молчатъ,
Разлитъ заливъ зеркальностью безбрежной,

B. Jaczky

И глубоко на золотѣ песка,
Подъ хрусталемъ воды, сіяетъ бѣлоснѣжный
Недвижный отблескъ маяка. (Штиль).

Безотраденъ путь мой! Каждый Божій день –
Глушь лѣсовъ да холодъ – голодъ деревень...
Стыдно мнѣ и больно... Только стыдъ то мой
Слишкомъ скоро гаснетъ въ тишинѣ нѣмой!

Пробѣгаю скорѣе эти строки и останавливаюсь на описаніи природы послѣ дождя;

... И весель звучный лѣсъ, и вѣтеръ межъ березъ
Ужъ вѣетъ ласково; и бѣлыя березы
Роняютъ тихій дождь своихъ алмазныхъ слезъ
И улыбаются сквозь слезы.

Приведу еще отрывокъ изъ стих. „Весенняя гроза":

Но вотъ по тополямъ и кленамъ
Холодный вихорь пролетѣлъ...
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Окно захлопнулось со звономъ.
Блеснула молнія огнемъ...
И вдругъ надъ самой крышей дома
Раздался трескъ короткій грома
И тяжкій грохотъ... Все кругомъ
Затихло сразу и глубоко.
Садъ потемнѣвшій присмирѣлъ,–
И благодатно и широко
Весенній дождь зашумѣлъ.

---

45 лѣтъ тому назадъ появилось въ журналѣ „Свѣтъ" первое стихотвореніе С. Я. Надсона. Поэту было тогда 16 лѣтъ. Его болѣзнь (чахотка) унесла въ могилу, когда ему было 25 лѣтъ. Почти забыты когда-то пользовавшіеся большимъ успѣхомъ стихотворенія. Надсонъ зналъ свой близкій конецъ, передъ смертью онъ писалъ:

Нѣтъ муза не зови!.. Не увлекай мечтами.
Не обѣщай вѣнка въ дали грядущихъ дней!..
Пѣвецъ твой осужденъ, и жадными глазами
Повсюду смерть слѣдитъ за жертвою своей.

. . . . . .

А жить такъ хочется! Страна моя родная
Когда бъ хоть для тебя я могъ еще пожить!..

Какъ бъ я любилъ тебя, всю душу отдавая,
На то, чтобъ и другихъ учить тебя любить!..

---

40 лѣтъ тому назадъ умеръ А. Н. Плещеевъ. Побывъ немного въ школѣ гвардейскихъ прапорщиковъ онъ поступилъ въ Спб. Университетъ, но курса не кончилъ. За участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго былъ приговоренъ къ смертной казни, получилъ помилованіе и былъ сосланъ въ Оренбургскій край солдатомъ. За военные заслуги произведенъ въ подпрапорщики. (Въ 1856 г.) И въ слѣдующемъ году былъ возстановленъ въ правахъ дворянства. Въ 1858 г. вышелъ въ отставку и получилъ право жить въ столицѣ. Умеръ 26 Сентября въ Парижѣ.

Мирра Александровна Лохвицкая. Петербуржанка. Окончила Московскій Александровскій Институтъ. Умерла 28 лѣтъ отъ роду въ расцвѣтѣ красоты. Это было ея желаніе.

Я хочу умереть молодой
Не любя, не грустя ни о комъ;
Золотой закатиться звѣздой,
Облетѣть не увядшимъ цвѣткомъ.

. . . . . .

Пусть не меркнетъ огонь до конца,
И останется память о той,
Что для жизни будила сердца...
Я хочу умереть молодой.

Не буду дѣлать выписокъ изъ ея стихотвореній. Нѣкоторые трудно сократить, хочется помѣстить полностью.
Удерживаюсь и на этомъ заканчиваю мои разбѣжавшіеся замѣтки.

И. С.

Слѣдующій номеръ выходитъ 15 Января 1934 года.

Условія пользованія журналомъ:

За прочтеніе журнала взимается плата - 75 сант.
Для безработныхъ - - 50 сант.

Всѣ собранныя за прочтеніе журнала суммы поступаютъ въ Фондъ Спасенія Родины.

Всѣ рукописи, по использованіи таковыхъ, возвращаются съ благодарностью ихъ владѣльцамъ.

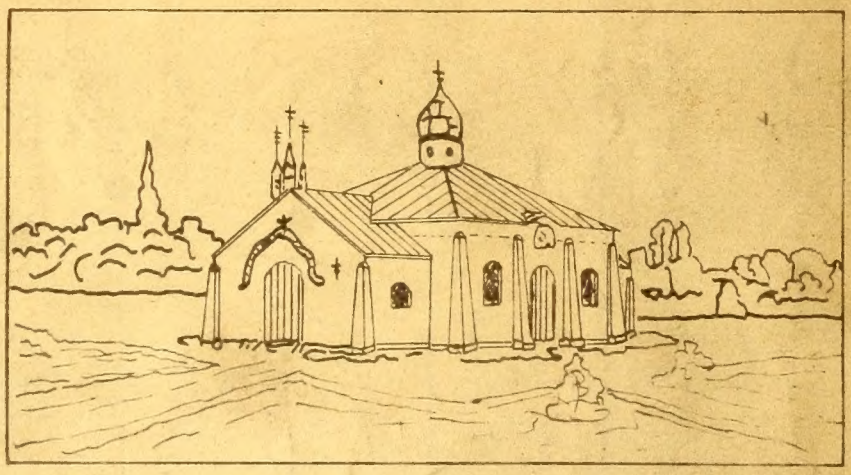
Сотрудникамъ, не желающимъ объявлять своего имени гарантируется сохраненіе полной тайны.

Адресъ редакціи журнала: 80, Avenue Jean Jaures. Belport.

Редакторъ принимаетъ по всѣмъ днямъ, кромѣ праздниковъ отъ 8-ми до 9-ти час. вечера.

Редакторъ-издатель: В. Куликовъ.

Художественная часть: В. Жарскій.

Журналъ читали:

Имя, фам.	Сумма.	Имя, фам.	Сумма.	Примѣчаніе.
В. Кулиева	1 фр.			
В. Черемисов	1 фр.			
А. Мелетинский	1 фр.			
В. Михайленко	1 фр.			
Г. Коротуна	1 фр.			
С. Кемпель	0-75			
В. Семенова	2 фр.			
Васильевъ	1 фр.			
А. Калинович	1 фр.			
Ф. Ткачевъ	0,75			
Н. Кудрявъ	1 фр. -			
М. Кусакова	1 фр. -			
Ф. Лабенинъ	1 фр.			
Вс. Гурский	1 фр.			
Канфиновъ	1 фр.